

Рита Роу

Правосудие Тёмного мира
или
Ван Хельсинг из Саратова

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Рита Роу

Правосудие Темного мира, или Ван Хельсинг из Саратова

<https://litres.ru/74403258>

SelfPub; 2026

Аннотация

Николай Палачёв не выбирал эту судьбу. Обычный вечер в баре обернулся провалом в ночную Трансильванию, где балом правят вампиры, а мертвецы набиваются в друзья. Теперь он — Ник Палач, правосудие Тёмного мира. Домой, в родной Саратов, он вернется лишь тогда, когда местная тьма ответит за свои грехи. Вот только Тёмный мир так просто своих судей не отпускает.

Строго 18+. Содержится ненормативная лексика, сцены употребления алкоголя и табака. Если это противоречит вашим принципам — пожалуйста, пропустите данную книгу.

Вас ждут: попаданец с черным юмором и тягой к выпивке; Трансильвания, где обитают вампиры, а зомби становятся друзьями; судья Темного мира, который мечтает только об одном — вернуться в родной Саратов.

Рита Роу

Правосудие Темного мира, или Ван Хельсинг из Саратова

Этот рассказ я посвящаю своему мужчине.

Спасибо тебе, дорогой, за те емкие слова, что порой слетают с твоих губ.

Не будь их и твоей харизмы — читатели могли бы так и не узнать Ника Палача.

-1-

Пластиковый номерок скользит между пальцами.

Щелк-щелк.

Ритмичный звук бьет по нервам сильнее кардиограммы на стене. Я перекатываю кроссовки под стулом, полиэтилен бахил противно шуршит о линолеум. Тридцать девять лет по паспорту, но вчера вечером кто-то вбил мне под ребра ржавый лом. Думал, сука, всё. Финальные титры.

— Молодой человек, вы последний? — старушка тяжело опускается рядом. Пружины стула стонут под ней.

Молодой. Ага. Походу, вчера я резко вышел из категории «за тридцать» и въехал в клуб кому за семьдесят. Замкнуло

так, словно мне впаяли пенсионное удостоверение.

— На двенадцать, бабуль, — отвечаю ровно. Внутри все горит синим пламенем. Номерок делает мертвую петлю вокруг пальца. Моторика отличная, диагноз хреновый.

Не было у меня времени штаны тут просиживать. Вчера во время приступа сожрал мамин валидол. Мята пополам с растворителем. Отпустило чудом, хотя запах изо рта теперь такой, что комары падают замертво. Но мать встала в дверях кухни с лицом прокурора: либо к врачу, либо госпитализация. И вот я здесь. Сажу. Жду.

После шести встреча с пацанами. Проект обсудить, смету попилить. А я пялюсь на белую дверь кабинета, гипнотизируя матовую лампочку над ней. Моргнет — можно жить дальше. Не моргнет — ну, значит, сегодня скидка на памятники.

— Вы последний? — снова лезет ко мне бабулька.

— Я.

Она слепо щурится и прикладывает сухую ладонь к уху, как рупор.

— Шта?

— Я!!! — рычу сквозь зубы. Не дай бог старая прям тут Богу душу отдаст от моего баса. Мне еще ее отпевание спонсировать.

Пятерней смахнул чуть отросшие пряди волос. Постарался успокоится.

Твою ж налево. Ну надо было тебе, Палачов, так лохонуть-

ся. Сука, физрук же говорил после качалки — никакой синьки минимум сутки. А я что? С Витьком бухал. С Серегой бухал. С заказчиком перед авансом тоже знатно залил жабры. И сегодня буду. Если выпустят отсюда живым и без лишних отверстий.

Лампочка моргает желтым. Дверь щелкает замком.

Срываюсь с места. Я, конечно, не Рэмбо, но габариты обзывают. Вхожу в кабинет боком, пригибаю башку — мои сто девяносто пять в чистом виде без проблем выносят казенные косяки.

Доктор под шестьдесят. Сухожильный, высушенный до состояния воблы. Очки сползли на кончик носа. Он поднимает на меня глаза, видит мою карточку, блее первого снега, и кривит губы в усмешке.

— На что жалуемся, Палачов Николай Сергеевич, 01.01.1987 года рождения?

— Сердце прихватило вчера. Благо у матери ночевал.

— Как прихватило?

— Э...

— Острая боль? Тупая? С прострелами?

— Именно... — язык вязнет.

— Что именно?

— С прострелами, доктор. Давайте рецепт, у меня сварка горит.

Прострелы, сука, скоро будут у него в его халате. Зыркаю исподлобья, а ему хоть бы хны. Бессмертный. Обычно моих

габаритов хватает для убеждения любого оппонента. Иногда даже слов не нужно. А этот очкарик сидит, смотрит на меня, будто он тут кузнец, а я — блоха на меху.

— Встаньте и поднимите футболку.

Вздыхаю так тяжело, что сквозняк поднимается. Встаю во весь свой исполинский рост, скрежеща зубами. Может, предложить ему бабла за липовый диагноз? Чтобы матушка успокоилась.

Стою голым торсом вперед. Он мне по плечо, но держит осанку орла, разглядывающего просроченную тушку цыпленка.

— Спиной!

Бля. Разворачиваюсь. Глубокий вдох. Пытаюсь дышать ровно, считая секунды. Раз Миссисипи, два Миссисипи... на пятой секунде хочется лечь и больше не вставать.

— Все понятно. ИБС. Нужно дополнительное обследование.

— Это чё такое?

— Ишемическая болезнь сердца. Выпишу направление...

Доктор начинает печатать, цокая клавишами. А я думаю только об одном: это не ИБС. Это просто, заебись, неудачная шутка организма.

Вечером Витек должен привезти эскизы забора. Пятнадцать метров художественного чугунного литья для одного блогера-мажора. На мнековка, на Витьке дизайн, на Сереге кэш. И кэш там такой, что ради него стоит потерпеть пару

инфарктов.

И сегодня, раз пошла такая маза, я выпью. Залакирую стресс. А завтра начну глотать таблетки по рецепту. Потому что подохнуть я точно не хочу. Мне тут ковать — не перековывать ближайшие месяцы. Заказы стоят в очереди, деньги любят живых.

Выхожу из кабинета, чуть не снеся плечом стенд с брошюрами про холестерин. Коридорная бабулька уже тянет руки к двери, как зомби к мозгу. Подлетаю, придерживаю ее за сухой локоть, второй рукой распахиваю створку. Пропускаю внутрь. Рыцарь, блядь, печального образа.

Старушка с интересом разглядывает мои наколки на рельефах. Что, бабуль, созрела?

Скалюсь своей тупой шутке, а у самого внутри екает. Провалиться бы под кафель. Нет, только не они. Не ебучие сантименты. Сразу вспомнил слова матери: «Состаришься, Коленька, дураком-бобылем, кому ты нужен будешь?»

Потому что жениться надо вовремя. Детей рожать вовремя. А я трусь по барам, пока печень пишет заявление об увольнении.

Сука. Сдергиваю бахилы, топаю к выходу. Солнце высоко в зените, плавит асфальт. Ветровку держу в руках. За спиной слышу сдавленный шепот незнакомых девчонок. Нашли место для съема. Глазками стреляют.

Я мрачно сплёвываю на плитку и закурываю первую сигарету за три часа. Легкие благодарят спазмом.

Диско-бар «Молодость» стреляет названием не в бровь, а в глаз. Да, Витек, сука издевается. Ну ничего. Твой час еще настанет.

Забиваю адрес в навигатор. Красная линия маршрута дергается, как кардиограмма покойника. Интернета нет. Набираю маму.

— Мам, привет. Все хорошо.

На другом конце динамика слышится сплошное шипение, словно кто-то жарит бекон прямо в микрофон. Оператор связи сегодня решил вывести меня из зоны комфорта окончательно.

— Мам, алло! Все нормально, говорю. Что-то со связью. Завтра позвоню. Люблю.

Я бью ладонью по торпедо. Сука. Пятница обещает быть до одури «томной».

Выруливаю на центральную дорогу. Через пять минут мой черный аутлендер ловит целую гирлянду красных светофоров. Рубиновые пятна плывут перед глазами, отражаясь в жарком асфальте. Настроение, мать его, скатывается с каждой минутой ниже нуля. Доезжаю до бара, глушу мотор. Ключи летят в карман. Завтра еще на такси пилить через весь город, тачку забирать.

Заебись.

Толкаю дверь «Молодости». В лицо бьет звуковая волна. Басы вибрируют в мозг. Внутри пахнет жженым сахаром, де-

шевым парфюмом и легким отчаянием. Пригнувшись под притолокой, сканирую зал поверх голов. Стробоскоп режет реальность на куски плохого монтажа.

В дальнем углу, подсвеченный фиолетовым, сидит Витек, похожий на истощенного ипэшника в период сдачи квартальной отчетности. Медленно пускает сизые кольца кальяна. Я ухмыляюсь и иду к столику, раздвигая плечами танцующих.

— Здорово, — тяжело плюхаюсь напротив. Искусственная кожа пищит. — Заказал уже что-нибудь?

Витек тянет руку. Я сжимаю его ладонь намеренно крепко, вкладывая всю накопившуюся за день медицинскую тревогу. Тот бледнеет.

— Заебал, Палач, хватит кости мять, бугай стероидный.

Я пятерней зачесываю назад волосы и ржу в голос. Сверкаю вязью новых наколок. «Палач» — мое погоняло со школы, чисто от фамилии пошло, хотя физрук и намекал на другое.

— Я химию не жру, хорош ныть. Давай шоты и мясо. Много мяса.

Официантка подплывает к столику. Улыбка у нее дежурная, фарфоровая — профессиональный реквизит для выживания в общепите. Она сверкает этим инвентарем, принимает заказ и начитывает блюда в гарнитуру чувственным шепотом пухлых губ. Взгляд при этом скользит по мне сверху вниз — томный, липкий, оценивающий.

Старая как мир игра. Ей-богу, крошка, я знаю, что хорошо. Черная футболка туго обтягивает торс, выставляя на показ каждую группу мышц. Темные волосы, голубые глаза — стандартный генетический набор серийного разрушителя сердец этого города. В Тиндере алгоритм подсовывает меня женщинам чаще, чем рекламу доставки еды. Мне от этой статистики самому тошно.

— Эй, альфа-самец подъездного разлива, — цедит сквозь зубы Витек. — Подбери слюни. Мы сюда по работе пришли.

Да пошел ты. Этот анатомический эталон дефицита массы тела может рассчитывать на успех разве что в абсолютно черной комнате, и то при условии, если у партнерши откажут все органы чувств.

Пока ждем заказ, набрасываем план ковки на салфетке. Курим. Ждем Серегу.

У того недавно дочка родилась, теперь он привязанный зомби — спит стоя, говорит тихо и только цитатами доктора Комаровского.

Официантка материализуется из дыма. Ставит между нами деревянную доску. На ней — ряд граненых стопок, похожих на патроны, и пепельница.

Я беру первую. Стекло холодное, пальцы чуть подрагивают.

— За удачу. Чтоб забор стрельнул выше звезд.

Опрокидываю шот. Огненная вода выжигает путь вниз. Втягиваю яблочный дым, пытаюсь перебить привкус валидо-

ла.

Под левым ребром вдруг простреливает каленым железом. Так, что дыхание спирает мертвой петлей. Легкие отказываются работать.

Я хватаю ртом воздух, но глотаю пустоту. Пальцы соскальзывают со стола. Мир медленно заваливается на левый бок. Плечо глухо ударяется о кирпичную кладку. Звук далекий, подводный.

Глаза закатываются. Звуки дискотеки выключаются одним щелчком. Остается только гул в ушах. Последнее, что фиксирует угасающее сознание — Витек. Он соскакивает, сшибая кальян. Его рот открывается в беззвучном крике. Он трясет меня за грудки, но я уже не чувствую рук.

Тьма окутывает густым мазутом. Гравитация исчезает. Я проваливаюсь в карамель небытия. Медленно, безжалостно и неотвратно.

-3-

Сознание возвращается не вспышкой, оно вытекает сквозь поры, словно со дна глубокого бассейна. Тело еще не слушается, дышу мелко, заглатывая воздух короткими порциями, как выброшенная на берег рыба.

Заебись. Живой.

Слышу, как где-то недалеко заискивающим голосом щебечет какая-то пташка. Но монолог мне ее, сука, ой как не нравится.

Я замираю, вжимая затылок в подушку. Прислушиваюсь.

— Да, господин, Палач мертв. Яд сделал свое дело. Теперь мы вольны пополнить гнездо.

Что, блядь, здесь происходит?! Я что, в ебучий БД-СМ-клуб попал?!

Странная тёлка зашелестела одеждами. Звук противный, шуршащий, как сухие листья под сапогом. Она подошла к кровати, наклонилась.

Что-то острое, словно тонкая сталь или игла ткнулось мне под ребра. Я даже не дернулся. То ли от шока, то ли потому, что мышцы просто отказались подчиняться команде мозга. Она отошла. По правому боку заструилось теплое. Вязкое. Тягучее.

Господи, эта ненормальная меня реально проткнула!

Я приоткрыл левый глаз.

Грузная баба в латексе, похожая на оживший ночной кошмар фитнес-зала, пружинисто, почти беззвучно сиганула в открытое окно. Просто растворилась во тьме, будто её и не было.

— Ну ни хрена себе, я попал! — выдыхаю сипло. Голос царапает горло наждачной бумагой, звучит чужим. — Проткнула и самовыпилилась... Пиздец ночька.

— Витек! — ору уже в полный голос. — Серёга! Если это ваши дебилские штучки, я вас размотаю, как тузиков, голыми руками!

В ответ только тишина. Тяжелая, плотная, осязаемая. Комната впитывает звук, как губка воду, не давая ему уда-

риться о стены.

— Блядь... Не нравится мне этот клуб, — бормочу я, пытаясь унять дрожь, которая начинает сотрясать все тело. — В больничку мне надо...

Мысли метались, как крысы на тонущем корабле. Перед глазами всплыло лицо Дарьи. Красивая, спокойная, терпеливая. Фитнес-тренер, которая не обижалась на меня, долбоёба, за вечные пропадания.

«Черт, если выберусь, — пообещал я витиеватому потолку. — Обязательно приглашу на нормальное свидание. Без спешки. Женюсь нахрен. Матушку порадую».

Но эта хрупкая надежда рассыпалась стеклянной крошкой, стоило открыть глаза по-настоящему.

Комната огромная. Мрачная. Ее словно вырвали из готического кошмара и поставили посреди пустоты. Метров сто квадратных, не меньше. Стены серые, шершавые, покрытые словно пылью. Кровать — черный монолит с тяжелым балдахином, который отбрасывает ломаные тени, похожие на скрюченные пальцы. Всё это вызывает не вопросы, а холодный пот вдоль позвоночника.

«И где это у нас, в Саратове, такие бордели находятся?» — мелькает мысль, нелепая и отчаянная.

Окно распахнуто настежь, но за ним нет ни единого фонаря, ни намек на городские светящиеся баннеры. Только абсолютная, давящая на барабанные перепонки глушь: ни звука машин, ни гула трассы. В этой пустоте, прямо под горя-

щами в небе холодными равнодушными звездами, шевелится непроглядная вязкая тьма, прорезаемая криком ебущего воронья, дерущего глотки. Слышен лишь мерный шелест их черных крыльев.

— Сука... Неужто за город вывезли? — шепчу я, и собственный голос звучит жалко. — Ну, пацаны... яйца плоскогубцами откручу!

Я сел. В груди странно тихо. Ни боли, ни паники, только тупое, холодное осознание жизни. Осмотрел себя — голый. Хмыкнул. Кровь уже запеклась. Порез оказался незначительным, но тянул, сука, неприятно, напоминая о себе при каждом вдохе.

Встал, огляделся в поисках трусов, взгляд скользнул к камину. Настоящий. Потемневший кирпич, поленья сложены аккуратной стопкой.

Интерьер все больше и больше пугал.

Подошел к окну, глянул во тьму — и охренел.

Думал, может, первый этаж, раз эта дура сиганула вниз так легко. Но не тут-то было. Я выглядывал из окна огромного замка, стоящего, судя по всему, на отвесной скале. Пронзительный ветер рванул мои почему-то длинные волосы, швырнул в лицо ледяную колючую морось. Всё мое естество скукожилось. Ноги похолодели от липкого страха, в глазах зарябило.

— Блядь... — выдохнул я, чувствуя, как реальность трещит по швам.

Жируха явно убила с насмерть с такой высоты.

Где я?!

Оглянулся. Старинные канделябры отбрасывают пляшущие узоры. Тени шевелятся.

— Где одежда?! — выкрикиваю в пустоту. Комната усме-
хается эхом.

Вокруг средневековая роскошь — тяжелые драпировки, резное дерево, сырость и воск.

Подхожу к напольному зеркалу в тяжелой раме — и снова охреневаю.

Это был я. И одновременно — не совсем я. Из зазерка-
лья на меня пялился раскачанный терминатор. Рост вытяну-
ло сантиметров на десять. Руки огромные, узловатые, пере-
виты темными венами. Наколки поплыли странной вязью до
самых плеч. По шее сползают чужие, длинные волосы. Но
глаза всё те же — хрустальные льдинки в небесно-голубой
радужке.

— Ну пиздец! — выдыхаю, ощупывая руки. — Как я с
такими банками задницу-то подтирать буду?!

Я в ахуе рухнул на кровать — голый, раздавленный этим
сюрром.

— Черт... Я явно сдох тогда, в баре, — прошептал глухо.
— И попал на тот свет. Теперь буду жить в этих историче-
ских хоромах, гонять лакеев... Судя по квадратуре, тут явно
не бедствуют. Может, пару девственников подкинут для зна-
комства с новым фраером...

Желудок свело спазмом голода. Под ложечкой засосало так, что захотелось выть.

Взгляд нашарил шкаф. Побрел к нему, каждое движение давалось с трудом, словно шагаю я как в детстве, в вязком гудроне. Дернул ручку. Внутри висит единственный костюм: черная кожа, тяжелый плащ в довесок. Все пахнет оружейным маслом и лесом.

Натянул на себя. Костюмчик сел странно. Швы впились в кожу, но плечи оказались шире моих новых плеч.

— Ну приехали, мать вашу, — выдохнул своему отражению. Терминатор в черной коже мрачно кивнул в ответ. — Пряма Ван Хельсинг из Саратова.

Заебись апгрейд.

-4-

Я толкнул дверь спальни. Тяжелое дерево поддалось с неохотой, выпуская меня в бесконечный каменный зев коридора. Воздух шевельнулся вековой пылью и старым воском. Под ногами застыли плиты черно-белого мрамора, выложенные шахматным порядком. Высокий сводчатый потолок потерялся во мраке, опираясь на массивные колонны, похожие на стволы окаменевших деревьев. Свет шел только от редких настенных факелов, они горели ровным желтым пламенем, не давая тепла, лишь подчеркивая мертвенную бледность моей новой обители.

М-да. Атмосферненько.

На выходе из комнаты стоял странный алтарь. На рез-

ном дубовом столе, инкрустированном тусклым перламутром, покоился тяжелый кубок. Он был доверху наполнен вязкой багровой жидкостью.

Вонище от него стояла знатная — медь, тухлятина и сладкий запах жженого сахара. Голодный желудок, который последние сутки питался исключительно валидолом и нервами, скрутило рвотным спазмом. Я как любой здоровый мужик хотел жрать уже просто до звездочек в глазах. Желудок прилип к позвоночнику и требовал мяса.

Беглый осмотр помещения удивил наличием арбалета и ножей, сделанных из качественной стали. Не какая-то сувенирная штамповка, а честная работа: воронение глубокое, баланс идеальный. Сам мой новый наряд намекал свободными карманами, чтобы я что-нибудь прихватил. Ну чисто, для антуража.

Я никогда не боялся холодного оружия, профессия все же характерная. На своем веку я выковал немало именных клинков для охотников и даже пару боевых топоров для исторических фестивалей. А вот арбалет для меня был темным лесом, слишком много мелких деталей, которые нельзя исправить ударом молота.

Похрен.

Не стал особо заморачиваться. Прихватил три ножа-бебута с хищно загнутыми лезвиями, рассовав их по внутренним карманам плаща так, чтобы рукоять всегда ложилась точно в ладонь. Скинул со стены арбалет, закинув его за спину. Ре-

мень скрипнул, принимая вес. Небольшие болты, лежавшие в кожаном колчане, явно имели серебряные наконечники — металл отдавал в пальцы холодом иначе, чем обычная нержавейка. Сунул горсть в карман.

Ништяк.

Мне, как ни странно, стало комфортно. Вес железа всегда успокаивал лучше любого психотерапевта. Ощущение контроля над физикой возвращало мне рассудок.

Ну погнали.

А вдруг тут за еду бои проходить будут? Хмыкнул собственным невеселым мыслям и пошел искать шведский стол. На крайний случай хотя бы малую столовую для гостей.

Ебучий замок оказался не просто огромным, а мегаогромным. Лабиринт Минотавра, построенный садистом-параноиком. Я словно ходил внутри оболочки спящего зверя. Каждый пролет винтовой лестницы был похож на предыдущий: те же желтые огни-факелы, тот же узор паутины в углах, та же гнетущая тишина, которая звенит в ушах сильнее любого шума. И самое страшное — здесь не было ни души. Ни скрипа дверей, ни сквозняка, ни эха собственных шагов. Тупо мертвый камень.

Блядь. Это давило на психику похлеще мажористого заказчика в понедельник утром.

Пытаясь проложить хоть какую-то карту или закономерность в голове, я спустился на первый этаж. Замок играл со мной в наперстки, словно знатный шулер. От голода начала

кружиться голова, ноги стали ватными.

Я подошел к невзрачной двери в тупиковом коридоре. Никакой серебрянки, обычное потемневшее дерево. С надеждой на плотный ужин, я толкнул дубовую створку и замер.

Комната метров двадцать квадратных была забита под завязку. Она буквально дышала насилием и знаниями. Полки книг уходили под самый потолок, удерживаемые толстыми железными скобами. Рядом соседствовало разнообразное оружие.

Пиздец, галерея инквизиции.

На стенах висели резные секиры, тяжелые бердыши и множество других кованых изделий. Я подошел ближе, провел пальцем по лезвию одного из топоров. Идеальная заточка. Никаких зазубрин. Работа мастера, знающего свое дело. Кузнеца.

О, это была моя стихия. Мой личный ковчег. Я прошел вглубь, колыхнув лапами тяжелого плаща, и сразу схватился за рапиру, висящую отдельно. Приятная тяжесть серебра уверенно легла в руку. Центр тяжести чуть смещен к гарде — для быстрых уколов. Моя рука кузнеца помнила и знала этот вес.

Я подошел к массивному столу из мореного дуба. Толстый, потрепанный фолиант в кожаном переплете был открыт на середине, закрепленный чугунной закладкой-черепом. Текст немного озадачил меня. Почерк размашистый, нервный, брызгающий чернилами:

«Вампиры. Вурдалаки. Нежить, что питается кровью живых и подлежит уничтожению в любом случае. Какой бы образ не принимала тварь — аристократичный лорд, грязный бродяга или пышиногрудая девица — ей верить нельзя. Серебро режет их плоть. Солнце сжигает дотла. Огонь очищает...»

И прочее, прочее, от чего волосы на затылке встали дыбом, лоб покрылся холодной испариной. Горло пересохло мгновенно. Либо я в подвале сумасшедшего ролевика-косплеера. Либо...

Взгляд скользнул ниже, к вырванному титульному листу, прижатого чернильницей в виде вороньего черепа.

Автор: Ник Палач.

Сука.

Та баба в латексе сказала... «Палач мертв».

И это значит... ну, нет... сукааааа...

Воздух застрял в легких. Комната качнулась.

Я медленно опускаюсь в высокое кожаное кресло. Ноги больше не держат.

Листаю страницы дрожащими пальцами.

Эта книга — блядский дневник. Это чертова инструкция по эксплуатации теперь мой личный дневник. Точнее тела, в котором я оказался. Биография охотника за нечистью в Темном мире Трансильвании.

Я поднимаю взгляд на стену, где висят маски — оскаленные пасти убитой нежити. Охуенно, только графа Дракулы в

замке мне не хватало.

Получается, я и есть автор этого бреда. Тот парень в баре умер окончательно и переселился. Сердце там, среди шотов и кальяна, просто поставило точку.

И походу... замок теперь мой. Вместе с этой ебаниной за дверью.

-5-

Вот бы сейчас надраться. До чёртиков, до блевоты, чтобы этот мир расплылся в мутную кляксу, а потом, чтобы мама отчитывала, пока в себя не приду. «Опять ты, Николай, в какую-то авантюру влез! Да что ж за наказание такое!» — вот бы услышать её голос, строгий, но родной, и чтобы за этим голосом была кухня, чайник, запах жареной картошки...

Мечтай, мечтай, Палачов.

Теперь твоя реальность — это какие-то твари из сверхъестественного мира, вечно урчащий желудок и тишина, от которой хочется орать.

Допился, идиот.

Да ну, нахрен, такой расклад. Прежде чем меня, как моего предшественника, ухайдохают, я тут с голоду сдохну.

Подхожу к сундуку, он кажется идеальным для хранения ценностей. Ну, или хотя бы для того, чтобы спрятать в нём свою внезапно пошатнувшуюся адекватность. Открываю крышку и... застываю.

Ну ни хуа-хуа!

Ларец оказался настоящим кладом: под завязку набит

украшениями, и, судя по всему, всё — оригинал. Не какая-то там бижутерия из подземного перехода, а вещи с историей, тяжёлые, холодные, иномирные.

Я как Кощей, запускаю пятерню в сундук и ковыряю до самого дна, будто пытаюсь нащупать хоть какой-то смысл в этом безумии. Да тут на две жизни хватит! На три, если жить скромно.

Сажусь на рядом стоящий диван и начинаю примерять кольца — на каждый палец по штуке. Сажу, смотрю на свои руки, увешанные золотом, и хихикаю нервно, как мальчишка, который стащил у отца сигарету.

— Ну вот, теперь я как султан Сулейман, — бормочу себе под нос, пытаюсь удержать серьёзное лицо, но смех прорывается снова, злой, горький. — Только гарема не хватает. И еды. Еды — в первую очередь.

Что, сука, делать дальше? Пожрать — это, конечно, задача номер один. А дальше? Я что, должен тут сидеть, как в бункере, и ждать, когда за мной придут? Или мне за кем-то идти?

Короче, вопросов, к сожалению, больше, чем ответов. Сидеть и ждать у моря погоды — это так себе перспектива. Жизнь не дрянной сериал, где в середине серии всё само собой рассосётся.

Жизнь, как оказалось, делает выверты и покруче.

Рассовав несколько побрякушек по карманам, на всякий случай, вдруг пригодятся как валюта в этом странном мире,

решаю выйти в ночь.

А была не была!

Я, конечно, не Иванушка-дурачок, за стрелой не побегу. Но стрелами запастись не мешало бы. Еще снимаю булатный меч со стены, пристегиваю к поясу и кривлюсь, глядя на своё отражение в тёмном стекле единственного окна:

— Ну, блядь, Терминатор, Ван Хельсинг и Ведьмак в одном флаконе. Обидно будет, если убьют в первую же вылазку за пищей.

Так, стоп, что я знаю про нежить? Из фильмов: жечь их надо, головы рубить желательно, в сердце — деревянный кол, ну и, наверняка, для надёжности — молитву прочитывать.

Вроде в таком порядке, или наоборот? Да хрен его знает!

Рука сама тянется к шее. Крестик на месте. Холодный, привычный, маленький.

— Слава богу, — шепчу, и в этом «слава богу» столько усталости, что хватило бы на десяток исповедей.

Короче, если что, в некрологе будет написано: «Сгинул в ебучих лесах Трансильвании». Уебищно звучит, если честно. Но зато честно.

Покидаю убежище.

Вдыхаю ночной воздух — он пахнет сырой землёй, дымом и далекими пряностями. Делаю шаг вперёд, в темноту, где, возможно, прячется не только опасность, но и ответ на хоть один из моих вопросов.

Выхожу из замка, оглядываюсь.

Дыхание спирает на ветру. Бля...

Какой же он мрачный. Не просто старый, а мертвый. Огромная каменная глыба, вросшая в базальтовый склон так, что кажется, будто она тут выросла сама по себе, как гриб после дождя. Узкие арки окон-бойниц смотрят слепыми глазами, а по краям крыши сидят горгульи. Или хрен знает кто: смесь летучей мыши, бульдога и налогового инспектора. Камень выщерблен временем до такой степени, что сланец блестит под луной, как рыба чешуя.

Интересно, это Румыния или Венгрия?

Хотя какая разница. По географии и истории у меня стабильно было «2». Как мама ни старалась вразумить сына своего ремнем и учебником, особых успехов я никогда не делал.

И вот теперь жалею. Хоть бы знать, какой сейчас год, век, и вообще, какая реальность — феодальная раздробленность или уже крепостное право отменили?

Парни бы оценили этот готический угар. Я, конечно, не деревянный дуболом, в Европе был. В Праге пиво пил, в Дрездене на руины пялился.

Средневековые видел и даже иногда щупал руками, пока зритель не видит. Но такой махины не встречал. Как человек смог построить такую дуру в абсолютной глуши, где нет ни единого фонаря, ни намёка на городскую инфраструктуру? Ни экскаватора, ни башенного крана. Сплошная логи-

стическая жопа. Ни один прораб с Петровича сюда арматуру не повезет.

Ладно, рефлексировать потом будем.

Пошагал к воротам. Спрятанное железо тянуло одежды к земле холодом, но я бодренько перебирал ногами, стараясь обдумать план действий. Что я, малахольный, отступать не буду! За жратвой в мир пошел, значит за жратвой. Явно здесь доставкой через агрегаторы население не балуют. Да и телефона нет.

Шагнул за ворота. Хороши! Монументальные створки, узор витиеватый. Надо будет эскиз срисовать, если выживу. Мало ли что, вернусь домой — забабашаю такие же на даче, соседи от зависти подавятся шашлыками.

Шагнул и охренел. Что ни час, так сюрпризы нового мира. Скоро удивляться разучусь. Буду как мертвец двигаться, только без гнильцы, чисто по инерции, да пищу искать.

За красивой средневековой ковкой оказалась тачка.

Вот это, сука, поворот сюжета. Спилберг обзавидуется.

Тачка была явно на ходу, марка незнакомая. Такой гибрид brutального внедорожника вроде старого «Гелика» и открытого военного багги. Резина зубастая, клиренс — колесо моей старой «девятки» пройдет. Рама сварена из серебристого металла.

Я обошел машину по кругу. Дернул ручку водительской двери. Та обдала ладонь сухим жаром, словно машина стояла тут давно заведенной. Щелкнул центральный замок. От-

крылась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.